

ПЯТЬДЕСЯТ ОТТЕНКОВ ЗЕЛЕННОГО

Пьеса **Максима Горького** «Дачники» написана в 1904 году, в год смерти Чехова и постановки «Вишневого сада». Не в лопахиныхских ли дачах поселились герои горьковской пьесы?.. Горький по-своему продолжает тему русской интеллигенции, понимающей, как надо жить, но не умеющей жить, как надо. В премьерном спектакле «Школы драматического искусства» режиссер **Александр Огарёв** рифмует «Дачников» не только с Чеховым. В его распоряжении весь XX век, который для нас, живущих уже в новом столетии, по-прежнему остается «своим».

Вытянутый в глубину зал «Манеж» разбит на две части (сценография и костюмы **Александра Мохова** и **Марии Луки**): вплотную к зрителям выстроено павильон — дача. А за ней пустое пространство, уходящее в темноту задника — природа. Не сразу замечаешь, что бук-

вально все — каркас дачи, надувная лодка, шланг для полива и стол для пинг-понга, кофточка, платья с цветами и без, брюки, рубашки и пиджаки — самых разнообразных оттенков зеленого. Все зеленое — от зеленки до тоски.

«Тоску по лучшей жизни» Огарёв выводит из контекста времени. Хотя, сначала кажется, что просто в другое время переводит. Спектакль, как виньеткой, обрамлен стихами и начинается строками Арсения Тарковского:

Люди бегут к поездам, а на даче

Пляшут кузнечики в желтой траве.

Звучат Высоцкий и Окуджава, перенося зрителя в эпоху «кухонной» интеллигенции. На костюмированном пикнике поют про ежика с дырочкой в правом боку: «Здравствуйте, елки! На что вам иголки? Разве мы волки вокруг? Как вам не стыдно? Это обидно, когда оцетинился друг!» Кто бы говорил... Колочий ежик

Сцена из спектакля

Ольга Алексеевна – О. Бондарева, Соня – А. Чернобровкина, Зимин – Р. Эйвазов

колючим елкам? И почему, собственно, друг? На это позже ответят Басовы. Когда Сергей (**Андрей Финягин**) попытается успокоить жену (**Александрина Мерцкая**): «Варя, друг, ну не надо так», она отрежет: «Я тебе не друг, и ты мне никогда другом не был».

Рифма распространяется не только на текст. Режиссерские ходы отсылают к знаковому спектаклю столетия – к «Серсо» **Анатолия Васильева**, основателя «Школы драматического искусства». Дача, насквозь пронизанная лучами (художник по свету **Тарас Михалевский**)... Стол посреди комнаты... Церемонное чаепитие... Серсо сменит пинг-понг. В него сыграют не один на один, а все вместе вкруговую, приспособив под ракетки потрепанные книжки. Герои спектакля легко подчиняются музыке, что бы ни зазвучало: живой саксофон, Эдита Пьеха из транзистора или рэп из магнитофона. «Танцевальность» психологической игры, разработанная

Васильевым в «Серсо», разливается в «Дачниках», как воздух. Что это? Привет Мастеру? Да дело в том, что и в «Серсо» продолжалась жизнь тоскующей интеллигенции. Все это было, было... и не перестает быть.

Если в первом акте еще существуют приметы 60–80-х годов, то во втором, который начинается и заканчивается «Элегией» Александра Введенского, границы эпох ликвидированы. Тема, извлеченная из координат времени, максимально приближена к зрителям. «Дачники» Огарева – здесь и везде.

Режиссер параллелизирует действие, достигая правдоподобной «одновременности» событий и контраста понятий. Собравшись по домам, люди размещаются в небольшой лодке. Гребут, тесно прижавшись друг к другу. Но близости нет. И нет спасения. А в это время в доме поистине два близких человека – Соня (**Алина Чернобровкина**) и ее мама, Марья Львовна (**Ольга Малинина**) – говорят о

Соня – А. Чернобровкина, Марья Львовна – О. Малинина

скровенном, понимая друг друга с полуслова. Соня со своим смешным Максом (**Рустам Эйвазов**) и ее мать с прядью седых волос, отважившаяся на любовь молодого нескладного Власа (**Алексей Киселев**) – квартет надежды. Они хорошо сделают эту жизнь! Эти люди единственные в спектакле, кто целуется и обнимается, никого не стесняясь. Остальные – лапают. «Танец поцелуя» Сони и Макса (режиссер по пластике **Лев Шелиспанский**) – готовность на любые трюки, лишь бы не разнять губ. У зрительни-

цы, сидящей впереди меня, на холщовой сумке написано: «Человек, умеющий обнимать, – хороший человек». Это рифма самой жизни.

«Да-да, я Вас понимаю», – твердит Варя в ответ на жалобы окружающих. «Нет, не понимаешь», – в духе театра абсурда возражает ей Калерия (**Александра Лахтюхова**). – «Не понимаешь. И я тебя не понимаю. И никто никого». Но Варя даже сумеет объяснить гостям и зрителям, что никакие мы не интеллигенты. Мы дачники, набежавшие из какой-то другой жизни. Ей простят резкость, как прощают себе свою неспособность изменить тоскливо-зеленую жизнь. Правда, попытается застрелиться Рюмин (**Дмитрий Репин**), но выйдет скверно. И пока доктор Дудаков (**Олег Охотниченко**) бежит за аптечкой, дачники теснят раненого в угол, напирая на него столом. Эта апокалиптическая сцена завершится нелепо. Помощь истекающему кровью человеку окажут смешную – слегка польют зеленой (вот он, финальный оттенок зеленого: бриллиантовый). И наперебой будут весело убеждать друг друга: не умрет! Рана пустяковая! Никто не умрет!»

*«На смерть! На смерть! держи равнень
поэт и всадник бедный»,*

– вместе с Введенским настаивает режиссер. Memento mori. Хрестоматийного Горького Александр Огарёв открывает ключами поэта-ОБЭРИУта, на полвека вырванного из поэзии и жизни, сгнувшего на этапе, и только в последние десятилетия заново прорастающего в нашем сознании. «Мы нас самим себе простигли», – сказано в «Элегии». Это не дачники, это мы – прощаем себя самим себе.

«Бороться нет причины.

Мы все воспримем как паденье».

Татьяна КАВЕРЗИНА
Фото Натальи ЧЕБАН